

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: НАЗНАЧЕНИЯ НА ГОРОДОВЫЕ ВОЕВОДСТВА (1654–1667 ГОДЫ)

В. Н. Глазьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 марта 2022 г.

Аннотация: в условиях русско-польской войны 1654–1667 гг. российское руководство рассматривало должностных лиц местного управления как резерв боеспособных кадров для действующей армии. В то же время назначение на посты городских воевод считалось поощрением за боевые заслуги: ранения, пребывание в плену, смерть в боях родственников. Названная практика была закреплена в указе от 5 мая 1661 г. о назначении воеводами в города только раненых и возвратившихся из плена служилых людей.

Ключевые слова: Россия, XVII век, местное управление, русско-польская война 1654–1667 гг., воеводы.

Abstract: in the condition of Russo-Polish War (1654–1667) Russian Government esteemed officers of Local Authorities as a reserve force of combat-capable regulars for Army in the Field. At the same time, the emplacement to a town office of voivode regarded as a merit for service in battle: cases, captivity, relatives' death in battles. The noted experience was guaranteed in the decree on May, 5th, 1661, about the emplacement just injured and returned from captivity service-men as voivodes.

Key words: Russia, XVII century, Local Authorities, Russo-Polish War (1654–1667), voivodes.

Начавшаяся в 1654 г. русско-польская война для России влекла за собой мобилизацию военных, финансовых, людских ресурсов [1]. Потребности ведения войны затрагивали сферу местного управления, прежде всего кадровый состав администраторов. Война вызвала новые черты политики в сфере местного управления – мобилизацию в полки лиц, способных к военной службе, и назначение на посты городских воевод, приказных людей и голов за службу в боевых действиях.

Назначения раненых на воеводства производились с самого начала войны. В 1655 г. к царю к Алексею Михайловичу с челобитной о пожаловании за заслуги обратился тяжело раненный в бою дворянин из Торопца В. Я. Непейцын. В конце августа – начале сентября 1654 г. он участвовал в штурме крепости Усвят. Город был взят, неприятель понес большие потери. В. Я. Непейцын на приступе получил четыре рубленых раны от ударов саблей и перелом ноги от выстрела из пищали. Царь Алексей Михайлович за службу и ранение назначил В. Я. Непейцына воеводой в Воронеж. Отметим, что впервые после Смуты воронежским воеводой стал провинциальный, а не московский дворянин или стольник. В царском указе подчеркивалась оказанная В. Я. Непейцыну честь: «за службы и за раны написать воеводой». Предшественник В. Я. Непейцына на посту воронежского

воеводы Ф. Ю. Арсеньев вызывался в полки для участия в походе [2, л. 30]. Из-за тяжелых ран В. Я. Непейцын не смог сразу поехать на воеводскую службу. До лета он пребывал в своей деревне, лечил раны. В Воронеже изувеченный воевода оказался в июле 1656 г. Менее чем через два года при окончании срока воеводства состояние В. Я. Непейцына оставалось тяжелым; по словам его брата, «и ныне из раны кости идут» [3, с. 112].

После битвы под Конотопом 28 июня 1659 г. наступил один из самых драматичных для России периодов русско-польской войны 1654–1667 гг. [4, с. 284–312]. В октябре 1660 г. русская армия под командованием В. Б. Шереметева потерпела поражение под Чудновом. В. Б. Шереметев оказался в плену у крымского хана, России изменил гетман Ю. Хмельницкий. В тяжелом положении находились российские полки в Белоруссии, мир со Швецией еще не был заключен. Если под Конотопом погибла часть русского войска, то под Чудновом были разбиты главные военные силы России на Украине. Осенью 1660 г. в Москве опасались нападения или с юго-запада поляков и татар, или со стороны Белоруссии, или шведов [5, с. 50, 88; 6]. В этих условиях правительство стремилось изыскать все резервы для комплектования армии.

10 декабря 1660 г. в Москве в Разбойном приказе проводился смотр губных старост. Результатом оценки их боеспособности стал указ от 7 февраля 1661 г., разделивший губных старост на три группы. Первая –

три губных старосты – определялась в полк боярина кн. И. А. Хованского. Вторая – 11 губных старост – назначалась в городовую службу. Третья – остальные губные старосты – оставлялась в прежних должностях [7, с. 129].

По всей видимости, в начале 1661 г. служилые люди знали о царском распоряжении о том, чтобы раненные и не бывшие в плену воины не попали на городовые воеводства, а также не были назначены управлять городами вторично. Претендовавший на воеводство в Коротояке жилец¹ Д. М. Фуников, до 18 марта 1661 г. подавший челобитную, упоминал указ: «...за наши смертные раны и за полное терпение отпущать по воеводствам и по приказом, а которые наша братья не ранены и тех ты, великий государь, не указал отпущать мима нас, раненых».

Д. М. Фуников оспорил назначение воеводой Коротояка кн. П. П. Дулова. Кн. П. П. Дулов обосновывал свою просьбу тем, что под Конотопом было убито четыре его брата и дядя, а рязанское поместье князя небольшое – всего 89 четвертей и 12 крестьянских и бобыльских дворов. Соперник писал, что кн. П. П. Дулов назначен «не за службу и не за кровь», вернулся с воеводства из Ольшанска, а во время походов «был все по воеводствам».

Сам Д. М. Фуников был на бою «изрублен саблеми большими смертными раны – во многих местех шея пересечена до самого горла, да у меня ж пересечен затылок, и голова изрублена в семи местех до мозгу, и рука правая пробита ис пищали, и ограблен донага и покинут в труп за мертво, и снята с меня плати, и ружья, и с лошади больша полуста рублей». 2 апреля 1661 г. Д. М. Фуников получил назначение на воеводство в Коротояк, а кн. П. П. Дулова царь распорядился в этот город не посылать, потому что «он не служит, был все по приказом» [8, л. 27–28, 28 об.]. Заметим, что в целом впоследствии царское распоряжение выполнялось, но делались и исключения. В частности, кн. П. П. Дулов все же получил назначение – в 1664 г. он вторично был послан воеводой в Ольшанск [9, с. 242].

5 мая 1661 г. в Разрядный приказ поступило царское повеление о новом порядке назначения воевод и приказных людей в города, подчиненные этому ведомству. Местными администраторами могли стать теперь только раненные и бывшие в плену служилые люди в ответ на их челобитные. Запрещалось назначать на воеводства более одного раза, что касалось и раненных, и бывших пленников. Раненных и не бывших полоняников, находящихся на воеводствах, предписывалось вызвать в Москву для полковой службы, а на их места отправить раненных и бывших в плену. Указ должен был действовать до особого

царского распоряжения [10, № 406, с. 336; 11, № 295, с. 528–529].

25 ноября 1661 г. воевод из городов надлежало выслать в Москву для службы, а на их местах оставить губных старост. Если в городе не было губного старосты, то на место воеводы необходимо было определить отставного дворянина или сына боярского. Речь шла о конкретных воеводах, в Разряде была составлена роспись воевод и приказных людей, которых следовало выслать в Москву [12, л. 62 об.; ср.: 11, № 313, с. 560].

О выполнении указа от 5 мая 1661 г. позволяет судить «воеводский» столбец 471 Белгородского стола, который содержит документы о назначениях в города Белгородского разряда воевод, приказных людей, стрелецких, казачьих и осадных голов с 1661/62 по 1667/68 г. [8]. Дело начиналось, как правило, с челобитной служилого человека об «отпуске» в тот или иной город воеводой, приказным человеком или головой. Для обоснования своей просьбы служилые люди в челобитных сообщали о главных основаниях для назначения – полученных им ранах в боях, пребывании в плену.

В челобитных содержались также дополнительные сведения: о службе претендента, об участвовавших в боях родственниках, о стесненном материальном положении. Челобитчик стремился показать долгую и верную службу: называл год начала службы, участие в дальних походах, выполнение важных правительственных поручений. В челобитных служилые люди приводили также сведения о своих родственниках. Отмечались их длительная служба, раны, гибель в боях, пребывание в плену. Термин «родственники» понимался весьма широко. К их числу относили дедов и отцов, родных и двоюродных братьев, племянников, сыновей. Служба в качестве воевод, приказных людей, стрелецких и казачьих голов позволяла улучшить материальное положение служилого человека. Челобитчики приводили сведения о разорении своего хозяйства.

Примером челобитной, где приведены два главных основания для назначения – ранение и пребывание в плену – и дополнительные сведения о родственниках, служит обращение к царю мценского дворянина Т. П. Фарафонова. Он был «ранен тремя раны и как взяли в полон боярина Василия Борисовича Шереметева и я ж в ту пору взят в полон и был в Крыму... полчетверта² года, и в нынешнем 172-м году ис полону ушел, а родителей – дядьев и братьев – побито и в полон поимано 21 человек, ... моя братия – выходцы из полону отпущены по воеводствам и головам, а я не пожалован. А от ран я увечен – рублен по голове саблею, да у правой руки перст из лука

¹ Жилец – московский чин из состава государева двора.

² Полчетверта – три с половиной.

отшибен, да в правую ногу пострелен из лука». В 1664 г. он просил назначить в Урыв головой вместо С. Кривенцева [там же, с. 333]. В свою очередь, его предшественник С. Кривенцев в боях потерял руку, тем не менее из Урыва он был выслан в Белгород к воеводе Белгородского полка для выполнения административной работы [там же, л. 335]. Воеводой в Обояни в 1662 г. стремился стать дворянин из Новгород-Северского Н. Стремоухов, потерявший в боях ногу и имевший незажившую рану. Он сообщал, что в Нежине был бой с татарами и на том бою челобитчика ранили и взяли в плен. Из плена Н. Стремоухова выменял на татарина полковник В. Золоторенко [там же, л. 36].

Имевший чин жильца, капитан в солдатском полку П. И. Голтыев, в 1661 г. претендовавший на пост воеводы в Болховом, сообщал о себе: «Был на многих боях и на приступах, и всякую нужу и бедность терпел, и ранен на приступе под Нарвою в левую руку, пробит навывлет, и от той раны стал я увечен без руки, [рукой] не владею. Да я ж на приступе с города ушибен в груди камнем и от того убою стал дряхл. А у меня брат родной взят в полон в Крым и ныне в Крыму, и многие родители на службе побиты и в полон побраны» [там же, л. 15]. В данном случае речь шла о ранении соискателя и, как дополнительное основание для воеводского назначения, о пленении родного брата.

Рассчитывавший на воеводство в Новом Осколе стряпчий³ И. Ф. Хвощинский в 1662 г. «был в полку боярина и воевод князя Григория Семеновича Куракина и как был бой с тотары в Севском уезде в селе Прутках с мурзою с князем Ширинским, и на том бою я ранен саблею по правой руке по локтю, а в прошлом, государь, в 167-м году был я в полку боярина князя Ивана Ивановича Лобанова Ростовского и под Быховым на вылоске я ранен ис пищали в щеку и пулька во мне». Дополнительно И. Ф. Хвощинский сообщает, что его родной брат Иван в 1660 г. находился в полку боярина Василия Борисовича Шереметева, «и за Киевом в отходе тот брат мой ранен трижды и взят в полон, а родители мои дядья и братья на службах на розных боях многие ранены и побиты до смерти» [там же, л. 30]. Главное основание для назначения в этом случае – ранение, дополнительное – ранение брата, ранение и смерть в боях родственников.

Проникновенно о своей службе царю Алексею отзывался А. Данилов, просивший назначения на место И. Ф. Хвощинского в 1665 г. Он писал, что «служил я тебе, великому государю, чистым своим сердцем как Богу, не щадя головы своей и за тебя, великого государя, ранен, и от той раны увечен – правую рукою не владею, да у меня ж на службах

братьев моих родных и двоюродных убито и померло 5 человек и за службы я ничем не пожалован. Поместья за мною нет, за отцом моим всего по переписным книгам 12 дворишков, а нас у отца 5 сынишков, а все твою государеву службу служим, а за большим нашим братом только 5 дворишков» [там же, л. 91]. Ранение, смерть в боях братьев и тяжелое материальное положение – аргументы челобитчика.

Мценский дворянин С. К. Болотников, в 1661 г. надеявшийся на пост воеводы в Карпове, отмечал: «Служил я лет 30 и больши, и был в полку боярина и воевод Василия Борисовича Шереметева, и в полку боярина и дворецкого Василия Васильевича Бутурлина с товарищи подо многими литовскими городами, и на боях и на приступех был под Гусятином, и под Четковом, и под Каменцом Подольским, и подо Львовом, и город Гусятин и Четков взяли, и как был бой на реке Серете и меня изсекли всего и покинули за смертью, на голове у меня пять ран сабельных, и руки обе обсечены, и рукою не владею, и правое плечо копьём пробито, и глаз высечен и глазом не вижу, и на том бою у меня взяли конь с седлом да человека, да у меня ж под Канатопом убито два брата родных Трифона да Ивана, да служит за меня сынишка мой Акимка» [там же, л. 18]. К главному основанию для назначения – ранению во время похода 1655 г. на Львов – соискатель прибавлял сведения о погибших в боях родных братьях, потере слуги и коня.

Белгородский дворянин И. А. Маслов, в 1661 г. подавший челобитную о назначении в Верхососенск, извещал о себе: «Служил лет с 16 и больши, и на Торских боях в прошлом в 154-м году, как приходили крымские царевичи с ордою в курские, и рьльские, и севские места, и я в то число в дву местех ранен по голове саблею да правая рука насквозь пробита из лука, да в прошлом в 167-м году как был окольный и воевода князь Григорий Григорьевич Ромодановский с товарищи в черкасских городех – в Лофицы и на боях декабря в 20-м числе ранен я – застрелен из лука о поесе в хресец, да генворя ж в 30-м числе ранен по левой руке – порублен саблею да на том же бою подо мною убит конь» [там же, л. 21–22]. Трижды раненый И. А. Маслов в качестве дополнительной к ранениям заслуги приводил участие в боях с татарами, взятие языков и освобождение русских и волюшских пленных.

О ранении и хозяйственном оскудении сообщал в 1662 г. рязанский дворянин Л. Н. Кобяков, подавший челобитную о назначении на воеводство в Валуйки. Он писал, что служит «многое время, на всех летних службах, и в зимних, и в литовских и в немецких походах, с приезду и до отпуску был, и в прошлом 167-м был под Канатопом и после меня деревнишка моя в Рязанском уезде выгорела, людишка и крестьянишка розбредлись, одолжал, а у дел нигде не бывал,

³ Стряпчий – московский чин из состава государева двора.

и в нынешнем 170-м г. послан был я с сотнею на службе в Севск в поход за тотары, и дошли, и бой с тотары был и меня ранили» [там же, л. 32–33]. Ранение в этом случае считалось главным основанием, а хозяйственное разорение – дополнительным.

В 1663 г. курянин А. С. Авдеев, просивший назначить воеводой Вольного, сообщал, что он служил «лет 30 и больши, и был на службах сотенным головишком с воеводы и з бояры в польских и литовских и в черкасских городех, и все службы служил с приезде и до отпуску бес съезду и на всех боях на приступех был, бился не щадя своей головы». Изменивший России гетман И. Выговский захватил А. С. Авдеева в плен, его имущество и слуги были проданы крымским татарам. Гетман хотел расстрелять курянина, он чудом остался жив и вернулся из плена. На полях сражений с 1655 по 1659 г. погибали его родственники: «дядя мой родной Увар да брат мой Олфер Авдеевы убиты на Канатопском бою, да брат же мой двоюродной Прокофей да племянник мой Захар Авдеевы убиты под Вильною на Гансевском бою, да брат же мой двоюродной Тарас да Борис Авдеевы убиты, как был бой у боярина и воеводы Василия Борисовича Шереметева с товарищи на Дражи поли, да у меня ж, как крымской хан ходил на русские города войною взято в полон людишек и крестьянишек душ с пятьдесят» [там же, л. 46–47].

В ряде челобитных сообщалось только о ранении. Московский дворянин Н. Н. Нерыбин, в 1664 г. просившийся на воеводство в Ахтырку, по его словам, «был на многих службах в польских и немецких всех походах, а ныне был с боярином князем Яковом Куденетовичем Черкасским и в посылке с окольных князем Юрием Никитовичем Борятинским, на бою крымские люди меня ранили – правая рука по запястью пересечена саблею и от той раны я увечен» [там же, л. 54]. В 1665 г. хотмышский дворянин И. А. Скурихин, «раненый, увечный, безрукий», сообщал о себе, что «служил в Киеве, и на многих боях бился, и ранен дважды, а как ходил ис Киева стольник и воевода князь Юрий Никитич Борятинской под Остргород, и в том походе меня ранили – оторвало ис пушки левую руку» [там же, л. 81].

В 1662 г. новгород-северский дворянин Ф. С. Пересветов подал челобитную о назначении в Олешню. Он был «во всех литовских и в немецких походах, в полках с бояры и воеводы служил бес съезду, и на многих боях и на приступех был». В 1655 г. был ранен под Быховом – «застрелен в правую ногу ис пистоля», затем был в полку кн. В. Б. Шереметева и второй раз ранен – «застрелен из лука в правую руку и раненова меня под Чудновым взяли в полон польские люди – живот свой мучил полтора года». Челобитчик сообщал о своем бедственном материальном положении: его поместье с тремя бобылями в Рыльском уезде

сожгли татары [там же, л. 25]. Воеводой Олешни в 1664 г. хотел стать стародубец М. В. Офросимов. Он был взят в плен и находился в Речи Посполитой 2 года. Из плена его выкупил стольник кн. Г. А. Козловской за 130 руб., «и в тех деньгах взял на меня заемную кабалу и ныне в тех деньгах стою на праве же, а заплатить не чем». Поместье М. В. Офросимова в Карачевском уезде было разорено поляками и татарами: «в конец разорили и выжгли и людей и крестьян посекали, а достольных людишек в полон поимали» [там же, л. 56].

О дополнительной к ранению заслуге сообщал сын боярский полковой службы из Нового Оскола М. К. Симонов в 1663 г., обратившийся на царское имя за назначением в осадные головы своего города. Он сообщил, что, пребывая в Белгородском полку, был ранен, оставшийся служить вместо него сын Ермол был убит под Конотопом. М. К. Симонов в 1660 г. был вновь призван в поход, в бою с отрядами изменившего России Ю. Хмельницкого убил неприятельского знаменщика и взял знамя [там же, л. 328].

При назначении на воеводство или головодство руководители Разрядного приказа должны были учитывать позицию населения городов и уездов, выраженную в коллективных челобитных. 30 марта 1663 г. курским осадным головой «за службу и за раны от крымских людей» был назначен курянин В. Мезенцев. Его должен был сменить служилый человек того же города П. Ф. Калугин. Он участвовал в боях русско-польской войны, был ранен, находился в крымском плену. Однако 4 февраля 1665 г. курские пушкари, затинщики, воротники подали коллективную челобитную. По их словам, осадный голова В. Мезенцев не причинял им никаких притеснений. Назначенный на его место П. Ф. Калугин не пригоден к этому делу. Люди характеризовали П. Ф. Калугина как вора, пьяницу и зерщика, он «пьет на кабаке и з зерщики зерню играет беспрестанно», таким же был, по их словам, и отец Федор Калугин. Братья П. Ф. Калугина приводились с поличным с ворованными лошадьми в губную избу. Челобитчики просили не назначать П. Ф. Калугина осадным головой.

В свою очередь, П. Ф. Калугин постарался опорочить предшественника, сообщив, что В. Мезенцев ложно сообщил о своем ранении и службе в рейтарах сына. 28 ноября 1665 г. воеводе Белгородского разряда было предписано произвести сыск по данной челобитной людьми из разных чинов кроме пушкаррей, затинщиков и воротников о том, замешен ли в воровстве П. Ф. Калугин [там же, л. 109–118]. Результат сыска не известен.

Сроком пребывания в должности местного управления считались 2 года. Это общепризнанная норма, не закреплённая законодательно. Претендент заранее подавал челобитную, как правило, за год–полгода до

назначения. Об открывающихся вакансиях он, видимо, узнавал от служащих в Разрядном приказе. На обороте челобитной одним из дьяков ставилась помета, например, «170-го апреля в 2 день. Государь пожаловал – велел его отпустить, как прежнему минет 2 года» [там же, л. 30 об.]. В ряде помет указывались заслуги: «отпущен за рану и полное терпение», «отпущен за смерть брата», «отпущен за полное терпение и смерть отца».

Назначенному воеводой, приказным человеком или головой через определенное время приходилось повторно подавать челобитную о выдаче наказа и росписной грамоты. Как правило, повторная челобитная была короче по содержанию, в ней уже не приводились сведения о заслугах соискателя. На обороте ряда челобитных стояло распоряжение «*Выписать*».

По поводу обращения служилого человека в Разрядном приказе составлялась *выписка*. В выписке на основании записных книг Московского стола [13] приводились сведения о находящемся на воеводстве лице и сроках окончания его службы. Сообщалось о том, нет ли иных претендентов на данное воеводство.

При составлении выписки проверялись данные, которые сообщались в челобитной о назначении. Для этого привлекались записные книги Приказного стола, смотренные списки, послужные списки и другие документы. Так, в привлекаемых для проверки челобитной Д. Тонкого документах были обнаружены следующие сведения: «Приказного стола в записной книге выходцов и полоняников прошлого 169 году написано: стародубец Дмитрий Тонково взят был в полон из обозу под Чюдновым и был в плену в Польше 15 недель. А в послужном списке боярина и воевод князя Григория Семеновича Куракина с товарищи 170-го году написано: января в 12 день князь Григорей Семенович Куракин посылал в Севский уезд для поиска над тотары, и был бой с татары, и на том бою Дмитрией Тонкой бился явственно – убил мужика» [8, л. 68].

В ряде случаев дьяки Разрядного приказа производили осмотр служилого человека для определения наличия ранений. В 1665 г. в Разряде осматривали рейтарского ротмистра Д. В. Третьякова, претендовавшего на воеводство в Яблонове. «А по осмотру перед дьяки думным Дементьем Башмаковым, Федором Грибоедовым, Василием Семеновым у Данила рана: у левыя руки большой перст разорван гораздо и у выписки Данило сказал: от тое де раны рука у него испорчена и владеет ею мало». Кроме того, сведения о службе Д. В. Третьякова Разряд запрашивал в Рейтарском приказе, откуда сообщили, что соискатель служит в рейтарах с 1655 г. [там же, л. 97–101].

Таким образом, в военные 1664–1667 гг. в сфере местного управления перед руководством страны

стояли две основные задачи. С одной стороны, должностных лиц, способных к полковой службе, необходимо было призвать в действующую армию и тем самым укрепить ее боеспособность, с другой – служилых людей, отличившихся в боях, пострадавших на полях сражений, следовало наградить. Наряду с увеличением поместных и денежных окладов за боевые заслуги как поощрение рассматривалось определение на должности воевод, приказных людей, голов в города. Подразумевалась возможность укрепления материального положения служилых людей посредством неофициального «кормления».

Ключевую роль в принятии решений о назначении воеводой играл царский указ от 5 мая 1661 г. о поощрении раненых и возвратившихся из плена. При назначении воеводами в южнорусские города в Разрядном приказе сформировалось специальное делопроизводство. Оно включало челобитные о назначениях на должность, распоряжения царя и руководителей ведомства, разрядные выписки, при составлении которых использовались документы и устные показания. Указ от 5 мая 1661 г. выполнялся до окончания русско-польской войны в 1667 г. Он приобрел расширительное толкование. Учитывались не только ранения и плен соискателя, но и его другие подвиги, а также заслуги родственников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. / А. В. Малов. – М., 2006. – 47 с.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгород. ст. – Д. 449.
3. Глазьев В. Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII вв. / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2007. – 166 с.
4. Бабулин И. Б. Борьба за Украину и битва под Котопом (1658–1659 гг.) / И. Б. Бабулин. – М., 2015. – 400 с.
5. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М., 1995. – Кн. 6. – 730 с.
6. Преображенский А. А. Алексей Михайлович / А. А. Преображенский, Л. Е. Морозова, Н. Ф. Демидова // Первые Романовы на российском престоле. – М., 2011. – С. 159–337.
7. Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII в. : противодействие уголовной преступности / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2001. – 429 с.
8. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгород. ст. – Д. 471.
9. Камараули Е. В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII в. / Е. В. Камараули. – Воронеж, 2009. – 302 с.
10. Акты Московского государства : в 3 т. – СПб., 1901. – Т. 3. – 674 с.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е : в 45 т. СПб., 1830. – Т. 1. – 1029 с.

12. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 6-а. Записные книги Московского ст. Кн. 12. (1661/62 г.).

*Воронежский государственный университет
Глазьев В. Н., доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета
E-mail: vng@main.vsu.ru*

13. *Новохатко О. В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. / О. В. Новохатко. – М., 2001. – 444 с.

*Voronezh State University
Glazjev V. N., Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Historical Faculty
E-mail: vng@main.vsu.ru*